МОСГОРСПРАВКА
ОТДЕЛ ГАЗЕТНЫХ ВЫРЕЗОК
К-9, ул. Горького д. 5/6 Телефон 203-81-63

Вырезка из газеты
СТРОИТЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА
г. Москва

4 НОЯ 1980

2207

ВСТРЕЧА С ИНТЕРЕСНЫМ СОБЕСЕДНИКОМ

Критики и читатели единодушны в оценке творчества лауреата Ленинской премии, депутата Верховного Совета СССР Нодара Думбадзе: его книги — это биография и исповедь целого поколения людей, чья юность совпала с Великой Отечественной войной. Примечательно, что строители Нурекской ГЭС на читательской конференции назвали роман «Закон вечности» лучшей книгой года.

Герои книг Нодара Думбадзе ныне говорят почти на всех языках народов СССР. Его произведения изданы в странах социализма, а также в США, Японии, Швеции, Франции, ФРГ, Англии, Турции и других государствах.

ЯЗЫК ПРАВДЫ ПОНЯТЕН ВСЕМ

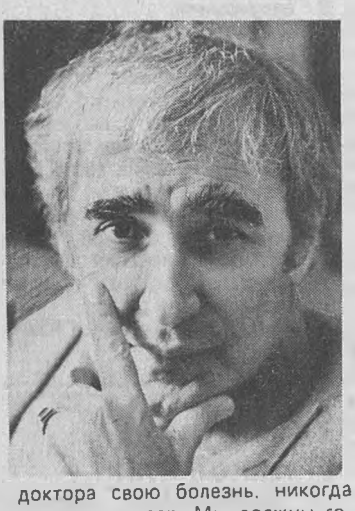
В нынешнем году за роман «Закон вечности» писатель Нодар Думбадзе был удостоен звания лауреата Ленинской премии. Недавно это произведение вышло в «Роман-газете» полумиллионным тиражом, и все-таки найти роман на прилавке книжного магазина сложно: читателей и почитателей у Нодара Думбадзе гораздо больше. И, конечно, потому, что всех привлекают художественные достоинства, проблематика романа.

— Так в чем же все-таки закон вечности? — спрашиваю у Нодара Владимировича.

— Однажды в далекой молодости в горах со мной случился инфаркт. До сих пор помню мучительную боль, сладковатый, приторный запах лекарств и кем-то произнесенную фразу: «Инфаркт, в его-то годы, не рановато ли?..» И тогда я решил, что, если выживу, напишу роман о законе вечности нашей жизни. С тех пор у меня было множество поводов убедиться в том, что он — не в физическом бессмертии человека. Когда отчетливо понимаешь это, можешь сделать собственным принципом, страх смерти проходит. Не сочтите это нескромностью, но я все-таки вспомню рассуждения моего героя из романа «Закон вечности» писателя Бачана Рамишвили. Приведу их еще и потому, что глубоко убежден в правоте этих слов. Бачан говорит, что душа человека во сто крат тяжелее его тела. Она настолько тяжела, что один человек не в силах ее нести. И потому мы, люди, пока живы, должны помогать друг другу, стараться обессмертить душу того, кто рядом. Вы—мою, я — еще кого-то, другой — третьего и так до бесконечности, пока существует род людской. Цепная реакция добра не позволяет смерти обрекать нас на одиночество в жизни. Такой закон вечности стал для меня законом нравственности, доброты, взаимопонимания людей.

— Роман «Закон вечности» написан опытным прозаиком, чье перо социально обострено. О таланте Нодара Думбадзе говорят, что сегодня он обрел новую грань идейно-художественной зрелости, мастерства. И, конечно же, добавляют, что такое произведение могло появиться на свет лишь в обстановке, утвердившейся в республике после известного постановления ЦК КПСС о работе грузинской партийной организации.

— После первой публикации «Закона вечности» кое-кто говорил, что я, сын небольшой нации, выношу сор из избы и тем самым якобы проявляю пренебрежение к своему народу. Это сущая ерунда! Я считаю, что больной, который скрывает от



доктора свою болезнь, никогда не выздоровеет. Мы должны говорить друг другу правду. В этом — тоже закон вечности.

Нодара Думбадзе обычно называют полпредом новой грузинской прозы, появившейся в шестидесятые годы. Мне довелось прочитать немало критических статей, где писателя называют «человеком, которого в Грузии читают все», «веселым гурийцем, завоевавшим публику от Москвы до Лондона», «солнечным талантом грузинской прозы». Спрашиваю Нодара Владимировича, что он думает об этой новой прозе и вообще о тенденциях развития грузинской литературы.

— Я считаю, шестидесятые годы стали для грузинской литературы своеобразным ренессансом. Дело в том, что поколение, вернувшееся с войны, обострило внимание к гуманизму, движениям, взлетам неповторимой человеческой души. Ведь имена, которые сегодня известны русскому читателю, — я имею в виду Гурама Панджикидзе, Чабуа Амираджиби, Отара Чиладзе, — это представители новой прозы, которая затрагивает многообразные проблемы нашей жизни, я бы сказал, более углубленно, чем раньше. Естественно при этом, что мы многому научились у писателей старшего поколения.

Ну, а счастье любого писателя, любого, независимо от возраста и нации, в том, чтобы в его произведениях отражались общечеловеческие заботы и боли. Читателя ведь нельзя обмануть, с ним нельзя заигрывать, фальшивить. На грузинском ли, на русском или на английском языке пишешь...

Когда я писал «Не беспокойся, мама», то долгое время жил среди пограничников, о которых идет речь в романе. Однажды на заставу привезли фильм о пограничниках. Когда они смотрели его, то гомерически хохотали, потому что поняли — сценарист, по-видимому, и трех дней не был на границе.

Самое страшное, когда писатель рассказывает о вещах, которых не знает. Когда один французский режиссер увидел в Тбилиси спектакль «Я, бабушка, Илико и Илларион», он сказал мне, что моя бабушка — это его бабушка из Прованса. Вот это подкупает. Наверное, потому, что есть один общий язык, который понятен любому народу: язык правды, язык истины, доброты... И он, я думаю, главный.

— Я слышал, когда вы садитесь за рабочий стол, то забываете обо всем, что было создано до вас в слове, забываете всех, кто когда-то в молодости учил вас писательскому ремеслу...

— Когда сажусь за стол, я даже Гоголя «усыпляю» для себя, забываю о магии его фразы, чтобы быть независимым, остаться самим собой. Конечно, у разных писателей может совпасть тема, даже образ. Но это не говорит о заимствовании. Вот я сейчас написал повесть про участкового милиционера, которому поручено воспитывать детей. В конце концов любой писатель пишет о том, чтобы ребенок не дрался, не воровал, не хулиганил, чтобы он любил родителей, уважал старших. Но я уверен, что все описанное мной в этой повести и то, как описано это мной, вряд ли может повториться еще где-либо... Впрочем, может быть, это и самоуверенно. В конце концов в Библию, как известно, вошли все основные литературные сюжеты. Да вот и Хемингуэй так написал о море, воспетом до него миллионы раз, как никто другой.

Мне кажется, что, если писатель знает жизнь, знает то время, которое он описывает, конкретную обстановку, местность, он обязательно напишет правду. И создаст произведение в чем-то, а иногда и во всем—от первой до последней строки — неповторимое.

— Нодар Владимирович, я замечал, что ваша биография во многом совпадает с биографиями ваших героев. Это говорит о том, что многое, описанное в романах, повестях и рассказах, взято из жизни. Не так ли?

— Даже многие фамилии моих героев мне не пришлось выдумывать. Есть, к примеру, у меня один герой по фамилии Каландадзе; он действительно учился со мной в школе. Фамилию я не выдумал, но образ получился собирательный, в него я вложил не только характер того реального Каландадзе, но и черты других людей, которых я знал. И один читатель, тоже наш соученик, написал мне письмо, в котором говорит примерно так: слушай, Нодар, ты что дурачишь нас? Я, говорит, всех помню, но вот девочку эту не помню, неужели я забыл ее? Каландадзе помню, а девочку нет, не вписалась она, что ли, в наш класс, не пойму никак... Этот читатель все воспринял буквально, хотя девочку я действительно выдумал. А другой мой герой, выведенный из жизни в литературу, где он у меня лучше, благороднее, чем в действительности, вдруг стал подражать самому себе в книге.

Так что могу сказать: в жизни я видел много смешного и грустного, доброго и злого, и в книгах моих все это рядом. И ничего не выдумываю, пишу так, как это есть в жизни.

— И последний вопрос: какое самое радостное для вас читательское признание — ведь вы получаете много писем?

— С великим удовольствием прочту вам одно письмо: «Уважаемый Нодар Владимирович! Прочла ваш роман «Я вижу солнце». Спасибо, ничего подобного в жизни я не читала! Ученица четвертого класса...».

И Нодар Думбадзе добродушно рассмеялся.

Беседу вел
Феликс МЕДВЕДЕВ.
ТБИЛИСИ — МОСКВА.